

Богданов Андрей Владимирович

П. Я. ЧААДАЕВ КАК КРИТИК КОНЦЕПЦИЙ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

В статье на фоне философских концепций Чаадаева представлен его спор с представителями славянофильства К. Аксаковым и Ю. Самариным по вопросам исторической судьбы России и ее предназначения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 31-36. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

RESTORATIVE JUSTICE METHODS IN JUVENILE SENTENCING

Ol'ga Viktorovna Belyakova

Department of Criminal Law and Criminology

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Service for Execution of Punishment of Russia

Belyakovaolga@list.ru

The author describes some aspects of restorative justice theory as well as their application to juvenile offenders in the Russian system of criminal punishment.

Key words and phrases: juvenile offender; victim; restorative justice; compensation of damage; punishment.

УДК 009.01

В статье на фоне философских концепций Чаадаева представлен его спор с представителями славянофильства К. Аксаковым и Ю. Самариным по вопросам исторической судьбы России и ее предназначения.

Ключевые слова и фразы: западничество; славянофильство; историософия; историческая судьба России; культурно-историческая отсталость России; славянский мир.

Андрей Владимирович Богданов, к. полит. н.

Кафедра общегуманитарных дисциплин

Институт сервиса Российского государственного университета туризма и сервиса, г. Москва

kaf.enod@yandex.ru

П. Я. ЧААДАЕВ КАК КРИТИК КОНЦЕПЦИЙ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА©

П. Я. Чаадаев – великий русский мыслитель, друг и наставник Пушкина, основоположник отечественной философской традиции. Он вошел в историю философии рядом выдающихся достижений: создание первой оригинальной концепции философии истории, историософии, в которой, размышляя об исторических судьбах России, он поставил проблему «Запад – Россия – Восток» и пришел к открытию «русской идеи» как программы спасительного всечеловеческого единения. Он же сформулировал «наброски» контуров философии будущего с новыми сутью, содержанием, своими атрибутивными особенностями и качествами, постановкой новых философских проблем, актуальных и по сегодняшней день. П. Я. Чаадаев создал новую методологию и методiku философствования, новый категориально-понятийный аппарат.

После П. Я. Чаадаева вся русская философия как высшее достижение философии мировой (вспомним, что с начала XIX в. мировой философский центр переместился из Европы – Германии – в Россию и уже никуда отсюда не уходил) есть во многом осмысление и развитие многих его философских идей и замыслов.

П. Я. Чаадаеву выпало жить и творить в исключительно сложное, «переходное», время. В отличие от Западной Европы, сделавшей значительные шаги в сторону политических и экономических преобразований, в России по-прежнему сохранялся самодержавный режим, крепостное рабство, цензура, полицейский и чиновничий произвол, а неразвитое общественное сознание вполне «гармонизировало» с общей экономической и политической отсталостью. Утрачивались даже слабые ростки философской традиции, идущей от петровской «ученой дружины», просветителей, М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева. Чтобы прекратить это «падение в никуда», необходимы были энергичные, нестандартные меры как непосредственно философского, так и «практического», так сказать, общественно-организационного, характера. Эту задачу впервые остро осознал и взял ее беспрецедентно тяжелое выполнение на себя П. Я. Чаадаев.

Необходимо отметить и еще одно важное обстоятельство, характерное для «эпохи» Чаадаева. В стране впервые возникли, созрели и развивались два мощных, оригинальных и глубоких философских течения – славянофильство и западничество, представленные выдающимися мыслителями. Славянофильство представляли братья И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин; западничество – В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, П. В. Анненков, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин.

Роль и значение этих двух «школ» в истории отечественной культуры и философии трудно переоценить: это, по сути, были два первых, глубоко национальных, самостоятельных, широких философских течения. Содержательные и интересные дискуссии и споры между ними и возникшими вокруг них «окружениями», вариациями, «ответвлениями» продолжались с переменным успехом весь XIX век и перешли в век XX, докатываясь отдельными «волнами» и до наших дней («неославянофильство», «неозападничество», учения некоторых новейших «демократов», «либералов», аргументы и доводы различных «эшелонов» партийно-политической борьбы).

Представляется чрезвычайно важным и в теоретико-философском плане, и в плане восстановления исторической справедливости прояснить проблему отношения Чаадаева как центральной философской фигуры на протяжении ряда десятилетий XIX века к двум обозначенным течениям и отношения этих двух «судьбоносных» школ

к Чаадаеву. Тем более что проблема эта недостаточно, неудовлетворительно исследована в нашей историко-философской литературе, «обросла» массой искажений, фальсификаций, стереотипов и штампов. В частности, понять истинное лицо Чаадаева-философа без современного анализа этой проблемы невозможно. Скрупулезный, непредвзятый анализ этой проблемы – дело большое и сложное, но дело будущего. До сих пор он отсутствует в нашей специальной литературе, а те «экскурсы» в эту проблему, которые все-таки имеют место, и те выводы, которые декларируют исследователи Чаадаева, удовлетворить современного мыслящего читателя никак не могут.

Собственно, таковые «выводы» [9, с. 120-121], где П. Я. Чаадаев причисляется к западникам, можно разделить на следующие, почти равные, «группы»: 1) Чаадаев резко отрицательно относился к общественным и философским взглядам славянофилов и резко критиковал их воззрения при каждом удобном случае; 2) взгляды самого Чаадаева можно вполне определенно и однозначно определить как «западнические», и сам он был типичным «западником» (то есть был в одном «лагере» с В. Г. Белинским, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, К. Д. Кавелиным и др.); 3) взгляды Чаадаева, как и все его творчество, и вся его жизнь, характеризуются крайней противоречивостью, непоследовательностью, незавершенностью и неопределенностью, поэтому невозможно ясно понять и его отношение к славянофилам и западникам, его окончательные выводы и оценки. Зачастую все эти позиции эклектически присутствуют у одного и того же исследователя. Причем последние не скупятся на цитирование чаадаевских текстов, но поскольку этих драгоценных текстов сохранилось не так уж много (но все они предельно насыщены, концентрированы глубочайшими, сложнейшими мыслями!), приходится «варьировать» одни и те же высказывания и интерпретировать их по-разному, чаще всего противореча друг другу и уж тем более Чаадаеву. Как же выйти из такого порочного круга?

Попробуем сделать это, но сразу же оговоримся о следующем. Мы необходимо будем в этой статье предельно кратко, ограничившись лишь некоторыми, принципиально важными, моментами; мы постараемся не злоупотреблять цитатами, а, по преимуществу, будем в своих выводах и суждениях по данной проблеме ориентироваться на общий «дух», характер, атрибутивные особенности, принципы философии и мировоззрения Чаадаева. Причем нельзя забывать о том, что Чаадаев как основоположник отечественной философской традиции, основатель новой, принципиально отличной от западной, философской системы (прежде всего, нерационалистической по своему характеру), вдохновившей на философское творчество своих многочисленных последователей, целую плеяду великих русских мыслителей XIX и XX вв., актуален и злободневен сегодня, как и всегда, но еще и ныне совершенно недостаточно для нашего времени понят, усвоен, освоен. Над ним тяготеют еще догмы марксистско-ленинской философии, стереотипы и штампы сегодняшней, демократической и либеральной эпохи, делающие еще «весомее» сегодняшний вакуум в области философии. Так что говорить о каком-то необходимом восстановлении органической связи с богатейшей отечественной культурной, философской традицией (а Чаадаев – ярчайшее воплощение этой традиции, наше неиссякаемое богатство и гордость) пока что, к сожалению, не приходится. Но это печальное обстоятельство не должно служить поводом к отказу от обращения к творческому наследию П. Я. Чаадаева вообще. Каждый из специалистов должен делать в этом направлении самостоятельные, пусть и маленькие, шаги вперед, выполняя, несмотря ни на что, свой посильный долг перед русским народом, перед Россией и ее великими сынами. Проблема отношения П. Я. Чаадаева к славянофильству, взаимоотношений Чаадаева и славянофилов – проблема очень непростая, сложная, неоднозначная, как, впрочем, и все творчество, вся жизнь Чаадаева.

Вначале несколько слов о сущности и содержании затронутых феноменов «*славянофильство*» и «*западничество*». Поскольку и на этот счет не существует единого мнения, единых определений, ограничимся (ориентируясь, прежде всего, на главную цель этого нашего «опыта» – усвоение и освоение великих идей Чаадаева) лапидарным изложением некоторых общепринятых представлений.

Под «*славянофильством*» чаще всего понимается система воззрений, ставящая во главу угла особую, мессианскую, роль России и других славянских стран в мире. Славянофилы утверждали уникальное своеобразие и особенности славянского мира, его преимущества перед Западом, выступали против сближения с Западом, грозящего поглотить славянский мир, против реформ Петра Великого, за отличный от западного, обособленный путь исторического развития России. Религиозно-философской основой славянофильства являлись идеи византийской патристики и православия, неприятие логицизма (рационализма) западной философии, опора на единство духовного мира человека [8, с. 159]. Заметим сразу же, что это «описание» славянофильства не только весьма приблизительно, но и неточно; указанные (и не указанные здесь) качества и свойства, приписываемые славянофильству, упрощают, примитивизируют его истинные позиции, выставляя на первый план некоторые его «крайности», с которыми зачастую не имеют ничего общего истинные взгляды основателей славянофильства, выдающихся и глубоких русских мыслителей. То же, кстати, будет относиться, в не меньшей степени и к «описанию» западничества.

В упомянутом выше источнике читаем: «*Западничество* – движение русской общественной мысли 40-50-х гг. XIX в., сторонники которого широко пропагандировали и защищали идею «европеизации» России, начатую еще государственными, политическими и церковными реформами Петра I. На этом пути, как считали представители западничества, Россия должна в исторически короткий срок преодолеть вековую экономическую и культурную отсталость, стать полноправным членом европейской и мировой цивилизации. К середине 40-х гг. под влиянием, прежде всего, европейской революции 1848 г. западничество как антифеодальная и антипатриархальная идеология разделилось на два крыла: умеренно-либеральное (П. В. Анненков, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин) и революционно-демократическое (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев)» [Там же, с. 144]. Это определение тоже «хромает», но «хромает» не только, как и все рационалистические определения вообще, но имеет и вполне конкретные недостатки. Это – и тяга

к марксистско-ленинским канонам и классификациям, и те же, как и в случае со славянофильством, примитивизация, поверхностность, пресловутые стандарты и штампы, типичные ошибки («европеизация», «культурная отсталость», «короткий срок», «революция», «либерализм» и «демократия» и др.), и тот же «неучет» индивидуальных различий между «западниками», их разных «масштабов» как мыслителей, неумение философски отделить главное от второстепенного, выделить суть процесса.

Одним словом, в деле постижения одной из самых сложных и важных страниц русской философии отправляться в сложное аналитическое исследование, будучи вооруженным приведенными «определениями», методологически опираясь на них – весьма сомнительное сегодня предприятие, заранее обреченное на успех, представляющее шаг назад в истинной философии.

Напрашивается только один выход: путь непредвзятого, самостоятельного поиска, с единственной опорой на первоисточники, в данном случае на работы и идеи самого П. Я. Чаадаева и других выдающихся русских мыслителей. Это уже один из принципиальных предварительных выводов.

Прежде всего надо внести корректировку в применяемые понятия, в частности, отметить, что «славянофильство» и «славянофилы», так же как «западничество» и «западники», – это совсем не одно и то же. Эту разницу в понятиях практически игнорируют как исследователи марксистско-ленинского направления, так и большинство современных авторов. А между тем из-за этого возникают принципиальные недостатки и ошибки в конечных выводах и оценках, в постижении сути поставленной проблемы, невозможность разобраться в сложных и глубинных переплетениях чаадаевских идей.

Дело в том, что, с одной стороны, Чаадаев, различая данные понятия и феномены, по-разному относился к «растиражированным», распространенным в обществе (естественно, как правило, искаженным, односторонним) концепциям и принципам «славянофильства» и «западничества» и к самим представителям, «вождям» этих течений, глубоким и уважаемым им мыслителям, среди которых было немало его личных друзей, близких к нему по «духу» и важным идеям, к примеру: И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков среди славянофилов и А. И. Герцен среди западников. Каждое из названных течений было по-своему глубоко и оригинально, ставило перед обществом важнейшие философские, исторические и общественно-политические проблемы, представляло выдающееся явление в интеллектуальной и культурной жизни страны, так что нельзя было в его оценке ориентироваться на преобладающее, чаще всего предвзятое мнение или карикатурно «окрашивать» его в одну только черную или белую краску, хотя также нельзя было оставлять без «критического» внимания и его существенных сторон. Но самое главное заключалось в том (и Чаадаев одним из первых пронизательно увидел это), что зачастую названные представители наших течений «перерастали» расхожие представления, далеко выходили за рамки и «славянофильства», и «западничества», высказывая глубоко верные, перспективные идеи, иначе, конечно, Чаадаев не имел бы никаких «точек соприкосновения» с этими течениями и их представителями – ни в жизни, ни в теоретической сфере. Вот лишь несколько характерных свидетельств и примеров, которые помимо «отношений» проливают свет и на оценку Чаадаевым, собственно, славянофильства и западничества, а также дают возможность судить и о взглядах самого Чаадаева на сложные историософские проблемы. Не должны забывать мы также – в целях объективности и приближения к истине – и об оценках представителей обоих течений взглядов и личности Чаадаева. Разумеется, здесь мы остановимся на минимуме самых характерных и типичных примеров.

Так, П. Я. Чаадаев тесно сблизился с Ю. Ф. Самариним, появлялся у него на дружеских беседах, «понедельниках», вместе с К. Аксаковым, который, по признанию самого Чаадаева, был ему особенно близок своими «философскими» (!), «светскими» и «саркастическими» качествами и в котором он очень высоко ценил «аналитический ум» и неподкупную логику, а также «доброту сердца», возвышенность чувств, чистоту высоких помыслов (разве можно так относиться к теоретическому противнику или к человеку, взгляды которого полностью несовместимы с твоими?). Вот, в частности, что писал П. Чаадаев Ю. Самарину в 1846 году: «...любезный друг... Я ведь говорил вам, что у вас сердце ни в чем не уступает уму. Многим покажется чрезмерной такая похвала, но я уверен, что этого не найдут ни ваши лучшие друзья, ни люди, умеющие ценить свойства возвышенного ума». Вот так: Чаадаев не «уходит в сторону», разбирая вместо сугубо отвлеченных, теоретических, проблем, казалось бы, «посторонние» проблемы соотношения «ума» и «сердца»; но для «нерационалиста» Чаадаева эти проблемы были важнейшими, а значение совпадения «личности» и «мировоззрения» он продемонстрировал своим личным жизненным и творческим примером, неслыханно плодотворным и эффективным, трагическим и героическим одновременно. Далее Чаадаев поясняет значение подобного «совпадения» для всех сторон жизни и деятельности истинного философа: «Дело в том, что люди вашего пошиба (*употреблять подобные термины вообще, наверное, можно только в общении с очень близкими людьми!* – А. Б.) бывают почти всегда очень добрыми людьми. Человек гораздо цельнее, нежели думают. Поэтому я составил себе свое мнение о вас уже с первых дней нашего знакомства, и мне казалось очень странным, что ваши друзья постоянно твердили мне только о вашем уме. К тому же есть столько вещей, доступных только взору, идущему от сердца, неуловимых иначе, как органами души, что нет возможности оценить вполне объем нашего ума, не принимая во внимание всю нашу личность. Я рад случаю сказать вам свое мнение о вас, и мне отрадно думать, что, может быть, я способствовал развитию наиболее ценных свойств вашей природы. Примите, мой друг, это наследство человека, влияние которого на его ближних бывало порой не бесплодно. Если моей усталой жизни суждено скоро кончиться, ничто не усладит моих последних дней больше, чем память о привязанности, которой мне отвечали на мою любовь к ним несколько молодых горячих сердец. Вы из их числа» [10, с. 195-196]. Потрясающие признания «в любви» великого философа, прожившего уже большую и сложную жизнь, да еще в адрес, казалось бы, непримиримого оппонента! В цитируемом письме переходу к теоретическим проблемам Чаадаев предваряет своеобразное «методологическое» вступление, носящее при ближайшем рассмотрении сугубо философский – абсолютно в «духе» Чаадаева – характер. Ведь

Чаадаев, по сути, пишет здесь о недостаточности для истинного философа одного только ума: взору, «идушему от сердца», доступно гораздо большее и гораздо более существенное. Надо принимать во внимание даже не столько «объем нашего ума», сколько «всю нашу личность». И это становится вещью первостепенной важности, когда речь, скажем, идет о судьбе любимой Родины (о чем более всего беспокоились и Чаадаев, и славянофилы, и, как оказалось, западники). Но самое главное (надо хорошо запомнить это для наших выводов) Чаадаев выражает здесь (без «нажима», очень деликатно и тонко) удовлетворенность и радость по поводу того, что он «способствовал развитию наиболее ценных свойств вашей природы» и что влияние его на «ближних», друзей Самарина, было «не бесплодно». Да ведь это – признание того, что сокровенные идеи славянофилов Чаадаеву не только не «безразличны», но, наоборот, достаточно близки и «симпатичны» и даже более того – эти идеи складывались у славянофилов не без его, Чаадаева, влияния и участия! Вот этот важнейший аспект взаимоотношений Чаадаева и славянофилов, чаадаевской философской системы и славянофильской системы практически начисто ускользал из поля зрения всех «чаадаевоведов». Значит, было что-то «сверхважное», стоящее *над* всеми конкретными спорами, разногласиями, «точками зрения», амбициями теоретиков, что было общим между «глубинными» идеями Чаадаева и сокровенными идеями истинных славянофилов (ведь были среди последних и «примазавшиеся» к ним, случайные попутчики, поверхностные крикуны, «шаблонизирующие», искажавшие и окарикатуривающие лучшие их идеи и замыслы). И это главное, сверхважное, общее – любовь к своей Родине и своему народу, стремление всеми силами и всем существом своим к возрождению их величия, к восстановлению достойных великой страны, великого народа места и роли в мире. И П. Я. Чаадаев далее в письме переходит уже к обсуждению собственно философско-теоретических проблем об исторических судьбах России, о том, в чем действительные и мнимые различия, разногласия во взглядах Чаадаева и славянофилов.

Мы вынуждены принести извинения за обильное цитирование письма П. Я. Чаадаева к Ю. Ф. Самарину. Причин этому несколько. Во-первых, письмо это занимает особо важное место среди писем Чаадаева по своей идейной и философско-методологической насыщенности, по пронизывающим его мотивам духовности, пронзительной искренности, даже исповедальности (в этом смысле его вполне можно поставить рядом со знаменитой «Апологией сумасшедшего» (1837), в которой Чаадаев впервые «объясняется с «обществом» по поводу некоторых «резкостей» и «преувеличений» в отношении истории России, раскрывает их цели постановкой «судьбоносных» проблем пробуждения России, общественного сознания, раскрывает предпосылки концепции историософии, «нового» патриотизма, «русской идеи»). К тому же, к сожалению, важнейшее письмо это практически не анализировалось в нашей литературе.

Во-вторых, мы, по сути, ограничимся в данной статье конкретным анализом именно этого письма, ибо в нем полнее всего раскрывается глубинная сущность поставленной нами здесь принципиальной проблемы: Чаадаев между славянофильством и западничеством; Чаадаев – славянофил или западник?

Итак, возвращаемся к письму. Чаадаев переходит к «сердцевине» проблемы, к вопросу об исторической судьбе России как основному и «исходному» вопросу, «яблоку раздора», «не дающему покоя» ни славянофилам, ни западникам, ни самому Чаадаеву: «Если мы и не всегда были одного мнения о некоторых вещах, мы, может быть, со временем увидим, что разница в наших взглядах была не так глубока, как мы думали». Важнейший момент, кардинально меняющий устойчиво-навязчивые, стереотипные представления о соотношении славянофильства и западничества (ведь ко всему прочему Чаадаева считали – да и сегодня еще многие продолжают считать – правозащитным «западником»!): нет большого, глубокого различия между принципиальными идеями Чаадаева, славянофильства и западничества! Почему же, что в этом вопросе может служить критерием? Чаадаев отвечает просто, беря за основу главное – любовь к Родине, патриотизм: «Я любил мою страну по-своему, вот и все, и прослыть за ненавистника России было мне тяжелее, нежели я могу вам выразить! Довольно жертв! Теперь, когда моя задача выполнена, когда я сказал почти все, что имел сказать, ничто не мешает мне более отдаться тому врожденному чувству любви к родине, которое я слишком долго сдерживал в своей груди». Несколько новых моментов: вся разница между субъектами исторического спора, по сути, только в том, что каждый из них любит Россию «по-своему», что надо признать естественным и даже необходимым (стандартизированная, одинаковая «любовь» – это уже не любовь, а, скорее, продажная проституированность!). Далее то, что имеет отношение к жизненной и творческой судьбе Чаадаева: он подчеркивает, что его «скандальная» история с публикацией первого «Философического письма» (1836), за что царь на всю страну объявил его «сумасшедшим», была специфической «жертвой» с определенной целью. Теперь, когда эта цель достигнута и задача выполнена (проблемы поставлены, Россия «разбужена»), Чаадаев возглашает: «Довольно жертв!». Теперь можно спокойно раскрывать самое сокровенное, глубинное, важное и переходить, в том числе и со своими единомышленниками, «оппонентами», к обсуждению сложных теоретических вопросов, которые, как оказывается, по-прежнему остаются актуальными. Чаадаев пишет: «Дело в том, что я, как и многие мои предшественники, большие меня, думал, что Россия, стоя лицом к лицу с громадной цивилизацией (*с Западом – А. Б.*), не могла иметь другого дела, как стараться усвоить себе эту цивилизацию всеми возможными способами, что в том исключительном положении, в которое мы были поставлены, для нас было невымыслимо продолжать шаг за шагом нашу прежнюю историю, так как мы были уже во власти этой новой, всемирной истории, которая мчит нас к любой развязке». Опять же – ряд важных тезисов, на которые тоже мало обращают внимания наши философы и историки. Чаадаев здесь несколькими штрихами набрасывает суть «западничества»: «отсталая» Россия должна «всеми способами» усваивать западную «цивилизацию» ввиду единства «всемирной истории». Идея Чаадаева о единстве мировой истории была, конечно, очень глубокой и верной; но со временем мыслитель пришел к выводу, что отождествлять мировую историю только с западной «цивилизацией» было бы опрометчиво, ибо, в частности, такая «мировая история» «мчит нас к любой развязке» (весьма ценный «нюанс»!). И нельзя не отметить скромности великого русского мыслителя, когда он пишет, что

в прошлом были у него предшественники, «большие меня» (имея в виду, скорее всего, Петра Великого). «Быть может, это была ошибка, – продолжает Чаадаев, – но, согласитесь, ошибка очень естественная. Как бы то ни было, новые работы, новые изыскания познакомили нас со множеством вещей, остававшихся до сих пор неизвестными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге. Поэтому, если мы действительно сбились со своего естественного пути, нам предстоит найти его, это несомненно. Но раз этот путь будет найден, что тогда делать? Это укажет нам время». Идейная насыщенность, многозначность почти каждой строки Чаадаева поразительна, он почти никогда не делает «точных», «окончательных» выводов и оценок. Вот и здесь, предполагая ошибку в выводах западников, он осторожно говорит «может быть». И тут же, казалось бы, делает комплимент славянофилам, говоря, что «мы слишком мало похожи на остальной мир». Истинный путь к будущему пока еще никому не известен, не найден, и если даже нам будет казаться, что мы нашли этот путь, мы не будем знать, что же нам делать дальше, это покажет время. Неизвестно даже «точно», сбились ли мы с «естественного пути» или нет, но несомненно, что надо продолжать его искать. Ибо «неопределенность», «неоднозначность», «плюрализм», «открытость», «проблемность» (истинно философские проблемы не могут быть решены когда-нибудь полностью и окончательно, однозначно, они переходят от поколения к поколению для поисков новых путей их решения) есть стороны, атрибутивные качества новой философии, которую и обосновывал всю свою жизнь П. Я. Чаадаев.

В конце письма П. Я. Чаадаев преподносит своему другу-славянофилу урок будущего философствования, до усвоения которого, правда, мы и сегодня еще «не выросли»: «А пока будем все без исключения работать единомысленно и добросовестно в поисках его (*«естественного пути»* – А. Б.), каждый по своему разумению. Для этого никому из нас нет необходимости отречься от своих убеждений. Одобряем ли мы или не одобряем тот путь, по которому недавно двигались, нам все равно придется вернуться в известной мере к нему, так как очевидно, что наше уклонение с него нам решительно не удалось. Да и есть ли возможность неподвижно держаться своих мнений среди той ужасающей скачки с препятствиями, в которую вовлечены все идеи, все науки и которая мчит нас в неведомый нам новый мир! Все народы подают теперь друг другу руку: пусть то же сделают и все мнения. Таков, по-моему, лучший способ удержаться в правде реальной и живой, всегда согласованной с данной минутой. Эпоха железных дорог не должна ли быть эпохой всевозможных сближений? Я говорю это серьезно, а не для игры слов» [Там же, с. 196-197].

Вот так! Искать новые пути никому не заказано. Все истинные философы, независимо от их «школ», должны в своих поисках идти рука об руку, «все без исключения», не отрекаясь от своих убеждений. Нельзя «неподвижно держаться своих мнений» в постоянно меняющемся мире. П. Я. Чаадаев, по сути, предлагает здесь человечеству отказаться от надежды найти «единственный» и самый «правильный» на все времена путь, найти «единственное» и «окончательное» решение какой бы то ни было проблемы, предлагает отказаться от бесплодных и бесконечных теоретических споров, перейти от «выбора» (какое-нибудь одно единственное решение или один единственный путь) или «компромисса» к всеобщему согласию по принципиально важному для всех направлению, к тому, что сейчас принято называть «консенсусом». Народы и идеи всего мира – для спасения всего человечества – должны объединяться; и здесь без глобальной «русской идеи» (в разработке которой в конечном счете приняли участие и славянофилы, и западники!) никак не обойтись. Поможет в этом сближении и технический прогресс, «эпоха железных дорог». И что бы сказал П. Я. Чаадаев, если бы был свидетелем не какой-то мизерной по нынешним масштабам железной дороги из Петербурга в Москву, а всего комплекса нынешних технических новшеств, в частности, сверхсовременных средств сообщения и связи?! К сожалению, современная «техногенная» эпоха, эра информации и телекоммуникаций не только объединяет, но и разъединяет народы, так и не нашедшие пока пути к «русской идее». Однако вернемся к нашему основному вопросу. Мы остановились на одном характерном примере отношений П. Я. Чаадаева и славянофила Ю. Ф. Самарина. Но подобные же дружеские, творческие отношения сложились у Чаадаева и с рядом других видных славянофилов (что не мешало Чаадаеву иронизировать по поводу «квасного патриотизма» славянофилов, их стремлений к псевдославянской внешности и псевдорусским одеяниям, когда они становились похожими на «персиян»). Мы не обнаружим никаких антагонизмов между ними как в области основных идей, так и в сфере «практики». Наоборот, по большому счету они делали для России одно общее великое дело, прокладывая каждый по-своему пути к «русской идее», к объединению всего человечества на основе веры, духовности, справедливости.

Но ведь примерно то же самое можно сказать и об отношениях П. Я. Чаадаева с западничеством и западниками. Он тоже частенько критиковал отдельные их идеи и «перегибы». Но если мы возьмем, для примера, не только дружественные, сверхуважительные отношения между П. Я. Чаадаевым и самым великим западником А. И. Герценом, буквальные совпадения их мнений по некоторым важным проблемам, то многие сомнения, колебания, недоумения, вопросы отпадут сами собой. Это ведь А. И. Герцен дал первую, самую глубокую и адекватную оценку публикации первого «Философического письма», писал об общности многих идей и устремлений славянофилов и западников, которые в конечном счете, как два брата «Януса», смотрели «в одну сторону». Нам кажется, что сказанного и приведенных свидетельств уже достаточно, чтобы сделать некоторые заключительные выводы по обозначенной проблеме «Чаадаев как критик славянофильства».

Нет необходимости сегодня подсчитывать количество критических замечаний или похвал П. Я. Чаадаева в адрес того или иного из двух течений отечественной общественной мысли и гадать, к которому из них он был все-таки «ближе». Чаадаев как мыслитель, сделав многое для становления интересных и глубоких идей и концепций и славянофильства, и западничества, не «укладывался» полностью в рамки ни одного из этих течений, как не «укладывается» он, со своей грандиозной философской «системой», в «прокрустово ложе» никакой прошлой или современной «философской школы», оставаясь выше их всех.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. М., 1889. Т. 1.
2. Бродский Н. Л. Ранние славянофилы. М., 1910.
3. Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2.
4. Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения славянофилов: 1840-1850 гг. Л., 1984.
5. Лазарев В. В. Чаадаев. М.: Юридическая литература, 1986.
6. Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1996.
7. Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М.: ТЕРРА, 1997.
8. Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону, 1996.
9. Сухов А. Д. Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. М., 1995.
10. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. 2.
11. Чунихина Т. Н. К вопросу о национальной идее как форме идеологии Российского государства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1.
12. Шкуринов П. С. П. Я. Чаадаев: жизнь, деятельность, мировоззрение. М.: Изд-во МГУ, 1960.

P. YA. CHAADAEV AS SLAVOPHILISM CRITIC

Andrei Vladimirovich Bogdanov, Ph. D. in Political Science
Department of General Classical Disciplines
Institute of Service
Russian State University of Tourism and Service in Moscow
kaf.enod@yandex.ru

Against the background of Chaadaev's philosophical conceptions the author presents his dispute with Slavophil representatives K. Aksakov and Yu. Samarin on the questions of the historical fate and destination of Russia.

Key words and phrases: Westernism; Slavophilism; historical philosophy; historical fate of Russia; cultural and historical backwardness of Russia; Slavic world.

УДК 9; 31; 33

В статье исследована эволюция кадровой составляющей советской государственной научно-технической политики в послевоенный период отечественной истории. В статье особое место занимает анализ процессов в высшей технической школе, подготовке инженерных кадров.

Ключевые слова и фразы: государственная научно-техническая политика; высшая техническая школа; специалисты; студент; профессорско-преподавательский состав; научно-техническая революция; дискуссии; научно-технические работники; кадры.

Елена Владимировна Бодрова, д.и.н., профессор

Кафедра истории

Московский государственный университет приборостроения и информатики

evbodrova@mail.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ: СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ©**

Методы новой научно-технической политики современной России не могут не учитывать оправдавших себя в отечественной истории принципов взаимодействия государства и научно-технической сферы.

Начиная с 1960-х гг. исследования проблемы разработки и реализации государственной научно-технической политики, воспроизводства кадрового потенциала научно-технической сферы занимают заметное место в научной историографии. В настоящее время одним из дискуссионных является вопрос об эффективности государственной политики в этой сфере в послевоенный период. Представляет интерес и является темой для обсуждения утверждение исследователя Г. Ханина о том, что в первое послевоенное десятилетие в СССР произошла подлинная техническая революция в машиностроении, наметились качественные сдвиги в развитии электроэнергетики, черной и цветной металлургии, химической промышленности. В таких отраслях, как лесная, деревообрабатывающая, угольная, легкая и пищевая промышленность, сфера услуг и сельское хозяйство, ничего подобного не переживали [19, с. 114-115, 118]. Такие диспропорции, широкое использование труда заключенных, низкий жизненный стандарт населения, по мнению Г. Ханина и части авторов, его поддерживающих, и позволили, прежде всего, концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях.

Ряд историков высокие темпы советской индустриализации и восстановления народного хозяйства после войны связывают с использованием заимствований западных научно-технических достижений, полагая, что